

выхъ башмаковъ. Въ сторонѣ, у перилъ, держались двѣ танцовщицы, и при каждой по офицеру и по штатскому. Изъ всѣхъ молодыхъ женщинъ эти танцовщицы были самыя нарядныя, съ непомѣрно длинными таліями и высокими шляпами. Смѣяться онѣ стѣснялись и говорили съ своими кавалерами тихо.

До прихода поѣзда—онъ долженъ былъ забрать пассажировъ въ Новый Петергофъ и Ораніенбаумъ—оставалось пять минутъ.

Сосѣ Дрозенъ потеряла свой брэкъ. Мальчикъ грумъ напуталъ по незнанію языка; онъ держалъ лошадей—и когда начался разъѣздъ, брэка не оказалось. За нимъ побѣжалъ Теняшевъ. Дамамъ—съ ними была и Ожигова—пришлось дожидаться. Онѣ тоже потянулись къ платформѣ. Если Теняшевъ долго проищеть экипажа, онѣ могутъ доѣхать по желѣзной до станціи, а тамъ взять коляску.

Зинѣ всѣ эти дни нездоровилось. Лукашинъ уѣхалъ, не дождавшись ея; она избѣгала разговора не только съ нимъ, но и съ Сосѣ. Той она сказала только, чтобы ей дали время все обдумать, — доктору, что письма къ отцу или къ матери она не приготовила. Она увѣряла его, что у нея въ головѣ стоитъ что-то въ родѣ гвоздя, и она не можетъ связать двухъ мыслей.

Сосѣ не приставала къ ней. Она боялась болѣзни Зины и знала, что если та раскленится, то неизвѣстно, когда опять будетъ „на что-нибудь похожа“:—безъ Зины, бодрой, безупречно представительной, подтянутой и безмятежной, Софѣ Германовнѣ и жизнь была не въ жизнь.

Однако, въ день скачекъ, Зина съ утра уже приготовилась, и туалетъ ея, только-что полученный изъ Франкфурта,—Сосѣ заказывала себѣ и кузинѣ половину туалета тамъ, увѣряла даже, что во Франкфуртѣ лучше шьютъ, чѣмъ въ Парижѣ,—блисталъ на ней всѣми цвѣтами радуги.

Къ половинѣ скачекъ Зина утомилась и ей стало очень скучно. Когда поскакали офицеры того полка, гдѣ служилъ Рынинъ, она его узнала сейчасъ же по его длинной, сухой фигурѣ и большому козырьку фуражки. Она злобно разсмѣялась, глядя, какъ всѣ они попадали въ лужи и перескакивали черезъ нихъ среди брызгъ и комковъ липкой грязи. Сосѣ хохотала отъ чистаго сердца. Ожигова раза два крикнула:

— Бѣдныя лягушки!

По доскамъ, къ платформѣ Зина шла позади Сосѣ,—Ожигова осталась на пути съ какимъ-то знакомымъ—утомленной, почти разбитой поступью. Ей было совсѣмъ не по себѣ, и она почти навѣрно знала, что на другой день сляжетъ. И весь этотъ ип-